

Нового счастья не будет

Ольга Дерябина

Ольга Сергеевна Дерябина

Нового счастья не будет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70206715

SelfPub; 2024

Аннотация

31 декабря Надя, мать двоих взрослых детей, чувствовала себя как девчонка. Для неё это было не просто наступление Нового года, но и начало счастливой семейной жизни. За несколько часов до курантов она вышла замуж на самого прекрасного мужчину. Однако появился Дед Мороз, потом Снегурочка, и что-то пошло не так. Её счастьем не суждено было сбыться, а причина в прошлом семье.

Содержание

Глава 1. Начало сказки	4
Глава 2. Отец	14
Глава 3. Лида	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Дерябина

Нового счастья не будет

Глава 1. Начало сказки

Надя ничего не могла с собой поделать. Губы то и дело растягивались в глупой улыбке, хотелось смеяться, петь, танцевать и просто радоваться жизни, мысленно благодаря её за каждый прожитый миг.

Она давно забыла – каково это, быть счастливой. Когда по коже мурашки, в животе бабочки, волнение в каждом вдохе, и сердце приятно ускоряет мерный стук. А она снова – Надин, Наденька, Надюша.

Она чувствовала себя счастливой просто до неприличия. Поверить не могла, что это не сон, не фильм, не фантазии, а самая настоящая реальность. В непростой период, когда она переживала одинаковые будни, появился он. Наполнил смыслом её жизнь и превратил в сказку.

Их знакомство было совсем необычным, обстоятельства скорее из ряда вон, роман развивался стремительно. И вот в последний день уходящего года они просто зарегистрировались, чтобы в Новый год идти с новым счастьем.

Церемония была скромной. Из присутствующих были

только он, она, регистратор и фотограф Дворца бракосочетания. Невеста в элегантном платье цвета шампанского, жених в синем костюме-тройке и огненно-оранжевом галстуке. Она волновалась, как восьмиклассница-девчонка, он был спокоен и уверен. Букетик с лилиями и заказанная винтажная «волга», которая с утра отвезла молодоженов в ЗАГС и успела прокатить по мостам до того, как город встал в пробках.

Пока никто не знал о новеньком свидетельстве о заключении брака. Страшно представить, какая будет реакция. Среди родственников осуждать особо уже некому. Родители умерли. Муж – давно бывший, со своей новой семьёй. Вспоминал о ней редко, сильно по пьяни, что случалось раз в несколько месяцев.

Дети – взрослые, они далеко, учатся в Санкт-Петербурге. Звонят в основном, когда заканчиваются деньги.

Младшая сестра Ева настолько поглощена самосовершенствованием внутреннего мира и внешней оболочки, что ничего не замечала вокруг. Впрочем, если б и отвлеклась от себя любимой, то вряд ли переключилась на оставшихся родственников.

А Нина... Нина уже ничего не скажет, она погибла. Остаётся надеяться, что дух сестры смирится с её счастьем. Ведь за её овдовевшего мужа Надя сегодня вышла замуж. Свадьба через год после похорон. Брак с женщиной, который не треть младше её.

Друзья, знакомые, коллеги, соседи знали о гибели Нины: молодая ж была, всего 35 лет, жить да жить. Но Надежда верила, что все всё правильно поймут. Одну сестру не вернёшь, зато вторая обрела долгожданное счастье.

«Мой Дракоша» – как она его ласково называла из-за причёски гребнем с оранжевыми, как пламя, кончиками и татуировки на крепком бицепсе. «Я разожду в тебе огонь», – игриво отвечал он.

«Пять минут, пять минут – это много или мало...» – по телевизору показывали «Карнавальную ночь». За окном вальсировали снежинки, дети уже поджигали петарды во дворе, взрослые орали первые песни, радуясь наступлению Нового года. Весело мигала гирлянда на ёлке в углу, огоньки отражались в хrome и стекле просторной кухни-гостиной, запах зелени смешивался с ароматом мандаринов.

Надя очень любила эту квартиру, в которую въехала больше года назад. Отец, пока был жив, помог с разменом четырёхкомнатной. После отъезда детей она чувствовала себя потерянной и одинокой, не зная, чем себя занять в этих хоромах.

Помучившись несколько месяцев, она решилась на продажу. И сейчас занимала уютную двушку: объединенная гостиная с кухней с тремя окнами, спальня, кладовка и просторный санузел, где поместилась ванна-джакузи. Для детей сообразила по однушке в долёвках на случай, если надума-

ют вернуться. Хотя чем дальше, тем больше крепла уверенность, что те не захотят покидать северную столицу. Ведь здесь *«скучно, медленно и вообще»*. Но это их жизнь, их судьба, их право. Как и у неё было, есть и будет своё право – распоряжаться своей судьбой.

Она резала «оливье». Мерный стук ножа по деревянной доске отсчитывал время до конца уходящего года и начала её новой жизни.

*«...В пять минут решают люди иногда
Не жениться ни за что и никогда,
Но бывает, что минута
Всё меняет очень круто,
Всё меняет раз и навсегда...»*

Строки из известной песни просто написаны про Надю. Она тоже решилась на серьёзный шаг в одну минуту, по зову сердца, и сейчас ждала самой волшебной ночи. Как героине «Иронии судьбы» ей хотелось спросить: «Вы считаете меня легкомысленной?» И самой себе ответить: «Поживём – увидим». Но в душе была уверена, что действительно стоит на пороге новой ступени жизни.

Из переплета мыслей о Новом годе и бесконечном семейном счастье её выдернул настойчивый звонок в дверь. Надя посмотрела на часы: молодой супруг должен прийти ещё че-

рез пару часов, она как раз должна закончить с приготовлениями к праздничному столу. Гостей она не ждала. Какого ж оленя к ней занесло?

Звонок повторился.

Надя вышла в коридор, посмотрев в своё отражение. Тёмные кудряшки игриво собраны к макушке. Щёчки круглые с естественным румянцем. Глаза блестят как в молодости. Чуть округлая фигура (план сбросить хоть пару килограммов с треском провалился), и если бы не поясок передника, то непонятно было бы, где талия.

В целом Надя осталась довольна увиденным: немолодая, но сохранившая привлекательность женщина.

Невеста.

Точнее – уже жена.

Очередной звонок прервал её от созерцания. Интересно, кто такой настойчивый? Не глядя в глазок, хозяйка распахнула дверь и рассмеялась от неожиданности. На пороге стоял Дед Мороз.

Божечки, это просто чудо какое-то! Давно прошли те времена, когда она верила в волшебство. Но сегодня снова почувствовала себя частью прекрасной сказки.

Дед Мороз был облачен в синий костюм с белыми узорами и меховой оторочкой. Под кафтаном скрывалась стройная высокая фигура со съехавшим вбок накладным животом. Борода густая, с блёстками-инеем. Глаза закрывали мохнатые брови под массивной шапкой. В руках здоровенный ме-

шок, в котором можно человека спрятать.

– Новый год шагает по планете, радуются взрослые и дети, – неожиданный гость поприветствовал хозяйку протяжным низким голосом, как обычно говорят Дедушки.

– И вас с наступающим! – Надя радовалась, как глупая девчонка. В голову даже не пришла разумная мысль: 31 декабря Деда Мороза на вес золота, да и времени у них в обрез. А они с избранником поздравление не оплачивали.

– Я к тебе, внученька, с подарочком. Веди к своей ёлочке, – он поднял массивный посох, и на секунду Наде показалось, что это бейсбольная бита в мишуре, которая целится в её голову. Неизвестно, чем бы закончилось это наваждение, но тут открылась дверь напротив, где жила семья с тремя детьми.

Надя с Ксеньей были ровесницами. Только соседка решила сначала встать на ноги, прежде чем идти под венец, а уже потом в роддом. В итоге Надины дети получали высшее образование, у соседки один отпрыск еще ходил в садик, двое в начальные классы.

Ксения напоминала ромб: высокая, с узкими плечами, полными, выпирающими, бедрами, стройными икрами и ёжиком на голове, как у её мальчишек, только обесцвеченным. Голос у неё был зычный: если она дома спрашивала у семейства, все ли помыли руки, соседи невольно смотрели на свои ладони.

– А ну брысь от ёлки, не хватало её перевернуть, – крикнула она вглубь квартиры, оттуда раздались смешки. Затем прикрыла дверь и заговорила шёпотом, насколько это она умела: – Ну, Дед Мороз, ты где пропал? Мы тебя уже потеряли.

На лице за бровями и бородой, кажется, появилось удивление, но лишь на миг. Дедушка быстро вошёл в роль.

– Да тут ещё одна внученька... – протяжно, по-морозовски, заговорил он.

– Ага, ещё одна. И три гнома с ней, – хохотнула соседка.

– Прекрасная работа! – похвалил Дед Мороз.

– Мить, это точно ты? – Ксения пыталась разглядеть лицо под накладной растительностью. – Я не узнаю вас в гриме...

– Я, внученька, я, – так же протяжно, поставленным голосом ответил Дед.

– Так пошли поздравлять уже, пока мои шалопаи ёлку в поисках подарков не перевернули и камин в стене для оленей не прорубили.

– Ха! – Дедушка оценил шутку. Надя тоже нервно хохотнула.

Сказочный персонаж замешкался, посмотрел на Надю, затем решительно указал на дверь соседки:

– Пошли к гномам.

– Ага, пошли. Тебе ещё своих поздравлять...

Дверь за ними закрылась. «А кто у нас хорошо себя вёл, тот первым узнает, кто пришёл в гости», – слышалось в

соседской квартире.

Надя продолжала стоять в проёме. Только сейчас она ощутила, как бешено стучит сердце. Хотя с чего вдруг такие волнения? Обычный Дед Мороз. Наверняка пришёл к соседям, да дверью ошибся. Она снова вспомнила посох, напомнивший битую. Надя потрясла головой, избавляясь от дурных мыслей: посох как посох, обычной формы. Не с граблями же Дедушке ходить.

Всякие глупости в голову лезут. У неё свадьба, у неё Новый год. У неё волшебная ночь впереди! А закуски ещё не готовы.

Надя захлопнула дверь и поспешила на кухню. По телевизору уже начиналась «Ирония судьбы».

Она продолжала резать салаты, вместе с героями фильма повторяя давно выученные наизусть реплики. И улыбалась – от удовольствия и предвкушения.

Когда Женя Лукашин на весах предложил тост, в дверь снова настойчиво позвонили. Надя посмотрела на часы: для молодого мужа всё ещё рановато. Может, Ксения? Ну не Дед же Мороз решил вернуться!

Снова не смотря в глазок Надя распахнула дверь и удивилась ещё больше. Теперь за порогом стояла Снегурочка. Хотя чего удивительного: скорее всего давешнего Деда потеряла, как и он ошиблась квартирой.

– Здравсти, с наступающим, – хозяйка улыбнулась, чув-

ствуя, как нервно дернулась губа. – Вам, наверное, туда, – она указала на квартиру Ксени, где вовсю шло веселье.

Снегурочка молчала. Под слоем грима с румянами, белилами, блёстками и узорами короны до бровей было сложно определить эмоции. А вот лицо показалось знакомым. Странно даже.

Снегурочка взмахнула просторным рукавом, отороченным перьями. Изящные руки в белых перчатках держали волшебную палочку со звездой на конце. Надя растерялась от такого представления. Может, надо загадать желание?

– Мира во всём мире, и чтоб без пандемии, – сказала она вслух.

Сказочная гостья кивнула, словно принимая заказ, затем молча несколько раз взмахнула палочкой, Надя, как завожённая, смотрела на звезду. И поздно сообразила, что та слишком быстро приближается к её голове.

Последнее, что она почувствовала, – глухой удар внутри, где-то в центре черепа. Калейдоскопом пронеслись кадры из её жизни – её детство, отец, дети, свадьба сегодняшним утром... Она падала вниз, сквозь пространство и время, пока не наступила крошечная темнота.

В этой темноте появился отец. Покачал головой, потом протянул руку: *«Вставай, Надюша, ты сможешь. Что разлеглась, как тряпка...»*

«Надюша», «ты сможешь»... Господи, как ей этого не хватало! Ей хотелось смеяться от счастья, что она снова его ви-

дит, и плакать одновременно – что он ушёл навсегда, и этого невозможно исправить. Ей не хотелось покидать эту темноту, чтобы еще раз услышать родное «Надюша» от самого близкого человека.

Глава 2. Отец

Надя была старшей дочерью. Отец был необычным человеком и прожил необычную жизнь.

Он родился в семье учёного-физика. Отец решил назвать наследника в честь Генриха Герца – одного из основоположников электродинамики, у которой, верил родитель, большое будущее.

Надин дед пошёл по стопам своего отца по профессии и в решении давать детям имена великих людей. Дед стал Робертом в честь Гука, великого учёного и изобретателя.

Отец Генриха постоянно пропадал в своём университете, где преподавал, в лаборатории, а по вечерам что-то писал за рабочим столом, на котором возвышались листки с непонятными цифрами и графиками, журналы, газеты, книги с закладками, отпечатанные на машинке тексты. Мама (она вела хозяйство и занималась сыном), просила сына не шуметь и не отвлекать. Потому что игры – это детские глупости, а его отец занимался серьёзными вещами, которые могут оставить след в истории.

Маленький Генрих обижался, пытался привлечь внимание отца, но тот был непоколебим. Вечером возвращался с

работы, что-то спрашивал у матери, трепал сына по макушке, молча ужинал и отправлялся в свой кабинет. А как хотелось вместе погулять по парку, погонять мяч, что-нибудь смастерить! Проводить вечера как другие дети с родителями, он с завистью наблюдал за ними в окно. Генриху хотелось показать всем-всем-всем, что им с отцом тоже весело.

Однажды он не выдержал и, несмотря на предупреждения «не отвлекать», ворвался в комнату родителей, большую часть которой занимала рабочая зона отца.

Тот отвлёкся от своих бумаг, недовольный тем, что кто-то посмел нарушить его рабочий покой.

– Я хочу... Нет, я требую, чтобы ты пошёл со мной погулять! – заявил Генрих.

Брови за очками поползли вверх, почти повторив форму круглой оправы.

– Требуешь? – отец решил, что ослышался.

– Да! – мальчишка топнул ногой.

– На каком основании? – усмехнулся отец.

– На основании того, что на улице хорошая погода, и мне хочется погулять с тобой.

– И это всё? – отец как будто был разочарован.

– Нет, не всё. Я хочу, чтобы мы поиграли в мяч, как другие. Сегодня, завтра, всегда, – Генрих чувствовал, как к глазам подкатывают предательские слёзы.

– Иди-ка сюда, – позвал отец.

Генрих послушно подошёл, надеясь, что тот посадит его

на колени, обнимет. Но родитель остановил его у угла рабочего стола, словно не впуская в своё личное пространство.

– Запомни три вещи, – он вытянул руку с расправленной пятернёй. – Первое: ты никогда больше не посмеешь разговаривать со мной в таком тоне. Второе: ты должен понять, где твоё место. Я – глава семьи, который её обеспечивает. Я – научный работник и преподаватель, что накладывает большую ответственность. Мама отвечает за порядок в нашем доме, это её роль. Ты должен благодарить судьбу за то, что родился в такой семье. Игра в мяч в этом уравнении лишнее. И третье: прежде чем чего-то требовать – нужно соответствовать.

– То есть это как? – растерялся Генрих.

– То есть быть на уровне своего собеседника или выше. Нельзя опускаться до требования внимания к себе. Нужно добиться, чтобы человек сам захотел выполнить то, что хочется тебе.

– Но как мне подняться до твоего уровня?

– Думай сам. А сейчас ты слишком маленький, мне толком не о чем с тобой поговорить. Разве что как уроки в школе или не болит ли живот. Но я уверен, что всё в порядке, мать за всем следит.

– Я ещё только осенью пойду в школу.

– Тем более. Понимаешь, какая пропасть между учёным и детсадовцем?

– Как же я дорасту до твоего уровня, ведь я совсем ма-

ленький?

– Запомни, что в жизни никто не станет делать поблажек на твой возраст, пол, рост, вес и прочее. Мой совет: найти своё дело и стремиться стать первым в нём. Тогда люди сами потянутся, и глупые истерики не понадобятся.

– Мне тоже физикой заниматься?

– Я буду действительно счастлив, если ты продолжишь семейную традицию и постарайся превзойти успехи своих предков. Но на свете много разных сфер, где можно добиться успеха. Ищи подходящее дело в своём возрасте. Нравится играть в мяч? Научись делать это так, как никто другой.

– Легко сказать, я ж самый мелкий во дворе, – вздохнул Генрих.

– Повторяю: нет никаких скидок, в том числе на возраст, рост и вес.

Тут подошла мама, у неё был вид провинившегося человека. Отец посмотрел на неё с неодобрением.

– И года не прошло, – ехидно ответил он. – У мамы тоже есть обязанности, как у меня работа, однако она решила забыть о них, – прокомментировал он Генриху. – Забирай его, и дайте мне уже сосредоточиться.

– Да, конечно, – покраснела мать, крепко взяла за руку сына и вывела из комнаты. – Придётся тебя наказать. Будешь стоять в самом тёмном углу.

Генрих был категорически против, он не считал, что в чём-то провинился. Разве разговор с родным отцом является

проступком? Пусть даже с отрывом от его важных бумаг. Но мальчишка чувствовал: если сейчас он начнёт качать права, это лишь усугубит ситуацию.

Для себя он вынес урок: надо стремиться быть первым и соответствовать.

Маленькому Генриху казалось, что его родители не любят его, это самые жестокие и бесчувственные люди. Лишь спустя годы он оценил правильность того урока, благодаря чему научился добиться чего хотел.

Он попросил записать его в спортивную секцию. Оказавшись вне своих тепличных условий, тут же слёг с ангиной. Вернулся через месяц. А ещё через два забил свой первый гол. В тот момент Генрих ощущал себя чемпионом мира, не меньше. И постепенно из самого хилого он перерос в своего игрока.

Почувствовав первый вкус победы, он решил добиваться других высот. Записался в музыкальную школу, учился играть на фортепиано и гитаре. И даже успел завоевать первое место в городском музыкальном конкурсе. Когда подросток – пошёл в технический кружок.

Как представитель семьи физиков он старался применять нестандартные подходы, делать то, о чём не пишут в учебниках. Генрих чувствовал, как меняется отношение отца. У них появились общие темы, интересы, сын смог соответствовать

своему известному родителю. Теперь они больше времени проводили вместе.

Отец как-то даже взял с собой на научную конференцию, где с удовольствием и гордостью представлял продолжателя семейной традиции. Для сына это было высшей похвалой. Он ощущал себя «оскароносцем» на красной дорожке, героем на первой полосе газеты с миллиардными тиражами.

Затем Генрих стал замечать интерес девочек, но уже не только как к лидеру во всём и вся, человеку, который может сделать, кажется, абсолютно всё. Он был перспективным и был очень привлекательным парнем. Вытянулся и повзрослел раньше своих сверстников. Пока одноклассники ещё думали о том, как дёргать девчонок за косички, он уже набатывал опыт ухаживания, откладывая в личную копилку наиболее удачные варианты. Работало и простое проявление внимания, и пушкинская схема *«чем меньше женщине мы любим, тем легче нравимся мы ей»*. К старшим классам он мог покорить любую девчонку, научился этим пользоваться и часто действовал из спортивного интереса.

Отец не вмешивался в похождения сына, пока не решил, что тому пора жениться. Генрих закончил строительный институт, и его ждала многообещающая карьера. Как отец с дедом, он тоже любил физику, но не хотел корпеть в лабораториях, а наглядно видеть результаты своего труда. Поэтому выбрал направление «строительство зданий и сооружений».

Родитель назвал выбор сына достойным и лишь наблюдал,

как тот готовит себя к будущей профессии. У него были связи и по вузам, и в кабинетах выше. Однако ни одного звонка для протекции он не сделал, заявив, что тот должен всего добиться сам. Генрих другого и не ждал. С таким воспитанием помощь скорее была оскорблением.

Зато в личную жизнь решил вмешаться, пока любовно-обильный отпрыск не наделал глупостей.

Генрих стал настоящим красавцем. Высокий, широкоплечий, с подтянутой фигурой и мускулатурой на руках – результат любви к спорту. Русые волосы аккуратно подстрижены чуть длиннее, чем у обычной модельной стрижки. Серые глаза излучали приветливость и искренность, хотя до конца не знаешь, какие мысли скрываются за этими чарами. Скулы чуть выпирают, губы немного пухловаты, от улыбки на щеках появляются ямочки.

Красавец всегда был в центре внимания девушек, которые были не прочь захомутать такого жениха. Да, в СССР секса не было, но Генрих регулярно познавал его прелести.

Отец пригласил сына на мужской разговор и твердо сказал: пора жениться. Но не на девчонках с танцулек, нужно выбрать нормальную хозяйственную бабу.

– Чтобы дома был порядок, готовить умела, одежда по стрелочкам. Дети опять же были под присмотром, – объяснял отец. – И сама думала только о семье и её благополучии.

А не о том, как ветер из башки выпустить, с подружками в сплетни удариться или убиться в карьеру. Женщина должна быть дома и благодарна за это. Посмотри на мать и бери пример, – он кивнул в сторону двери. – А если заскучаешь, то в любой момент можешь срулить на симпозиум. Но только сильно не частить, чтобы жена была без подозрений и со своей стороны не почувствовала слишком много свободы.

Генрих вспомнил, как часто отец пропадал на конференциях и прочих важных мероприятиях. Теперь понял, что не только в науке дело, и усмехнулся. С логикой, однако, согласился.

– Что у тебя на уме – это одно. А семья должна оставаться семьёй, твоей крепостью. Это и для карьеры полезно, поверь на слово, – наставлял отец.

Генрих оценил семью родителей с этой точки зрения. Он ни разу не помнил, чтобы дома был беспорядок, в холодильнике пусто или в нём кис старый суп. Мать не тряслась над ним – отец запретил, но всегда была рядом, могла в любой момент помочь, подстраховать, выручить. Это действительно удобно: отец спокоен, он выполняет свою миссию, ребенок под присмотром, растёт и развивается вполне гармонично.

Невесту отец нашёл сам – среди своих. В их вуз был приглашён доцент из соседнего областного центра Евгений Никитич. Сам он деревенский, семья жила в пригороде, поэто-

му на работу он добирался на электричке.

Как-то дочка пришла навестить папу на новом месте. Роберт Архипович отметил, что девица мила, воспитана, хозяйственна. Отец сокрушался, что давно пора замуж. Скоро 25 уж стукнет, а она всё одна-одинёшенька. Другие уже сыграли свадьбы, многие на сносях. Эта ж из библиотеки своей не вылезает. Разве найдёшь так кавалера?

– И ладно, если б кривая или страшная, – во время перекуров жаловался Евгений Никитич. – Девка как девка. Похитрее только надо быть: губёшки поярче накрасить, на праздники всякие ходить, танцы. И общение находить не только с литературными героями. А то «Онегина» наизусть шпарит, а как кавалер на горизонте нарисуеться – так в ступоре, двух слов связать не может.

«У вас товар, у нас купец», – подумал Роберт Архипович. После знакомства с Катей ему он укрепился в мысли женить сына, пока очередная вертихвостка ребёнка в подоле не принесла с претензией, что от него.

Катерина понравилась Генриху. Девушка оказалась достаточно симпатичной, неглупой, хозяйственной. У неё были все качества жены, с которой сложится стабильная семья. К тому же он оказался первым мужчиной в её жизни. Ощущение прикосновения к раннему подснежнику, цветку, которого раньше не касался никто. Генрих по-своему изучал её как диковинный экземпляр, она всё сильнее влюблялась в него.

Со свадьбой тянуть не стали, сыграли уже через три месяца. Катерина была на седьмом небе от счастья, готова была круглые сутки лелеять молодого мужа, и каждый день удивлять новыми блюдами. Сначала это нравилось, но через несколько недель супругу захотелось немного снизить волны океана обожания и получить хоть чуточку свободы. Генрих решил, что надо переключить внимание жены, самый лучший вариант – на ребёнка.

Первую годовщину после свадьбы они встречали уже втроём – с Надей, Наденькой, Надюшей, его первой дочкой. Она больше походила на папу, хотя в маленьком личике улавливались и мамины черты. Была любознательной, но не капризной. Словом, радостью и гордостью молодых родителей.

Генрих получил копию семьи отца: он работал, жена на хозяйстве и с их первенцем. Свекровь – она всегда была на связи – помогала довести любое дело до идеала. Иногда Генрих даже терялся в своих ощущениях, где находится: ребёнком в доме отца или взрослым в своей семье. Был ли он счастлив? Наверное, да. Хотя и лишён той страсти и азарта, как в отношениях с другими девушками. А порой было откровенно скучно.

По отцовскому совету он научился организовывать себе командировки, чтобы развеяться. Однако откуда бы он ни возвращался – своего рабочего кабинета или аэропорта – он

всегда знал, что дома его любят и ждут. Что именно он оставался центром вселенной для жены и дочери.

Время летело незаметно, легко отматывая недели, месяцы, годы. Генрих чувствовал себя человеком, у которого есть всё: перспективная карьера, надёжный тыл дома. Квартира – целая трёшка! – своя, первая машина.

Стабильность рухнула вмиг. Надюша была в садике, когда её мама попала под машину. Начинаящий водитель на отцовских «жигулях» перепутал педали, дав по газам. Испугавшись, решил свернуть на обочину, но вылетел на тротуар, по которому шла Катерина. Она поздно его увидела, впрочем, если б обернулась раньше, то это не спасло: с другой стороны тянулся добротный чугунный забор местного музее.

Машина на скорости буквально впечатала её. Водитель тут же сдал назад, словно это могло отмотать время. Ничего, конечно, не получилось.

Молодая женщина рухнула на асфальт. После столкновения она ещё несколько минут оставалась в сознании, живой. Первым подскочил перепуганный паренёк, ставший убийцей. Катя не стала его винить. Она поняла, что для неё это – всё, конец. Конец жизни в какие-то тридцать лет. Остатки сил она потратила на последнюю фразу: «Скажи им, что я их люблю». Позже приехала скорая, но ей оставалось лишь

забрать тело.

Это походило на то, как кто-то сбивает тебя с ног, ударяет в районе щиколоток, чтобы лишить опоры и равновесия. Когда человек болеет, и исход очевиден, успеваешь подготовиться, осознать, проститься.

И совсем другое дело, когда случайность отнимает дорогого человека. Неопытный мальчишка совершил ошибку. Да, его судили, но что это меняет? Вердикт судьи не способен изменить судьбу и вернуть любимую женщину.

Мать перехватила все заботы о сыне и внучке, работая теперь на два дома.

Маленькая Надя не совсем понимала, что происходит, и почему бабушка постоянно со слезами. Ей сказали, что мама умерла, навсегда умерла. Но ей ещё не приходилось сталкиваться со смертью, и она не представляла: как можно навсегда умереть? Она скоро вернётся, обнимет её, улыбнётся. Ведь она так любила свою Надюшу, а Надюша – её. Так как это возможно – навсегда?

Пока мамы нет, она всегда будет с папой. Папа – стержень, опора, человек, на котором всё держится. Если папа рядом, то всё хорошо. По-другому не может быть. Он просто не допустит.

В своём нынешнем забвении Надя вспомнила, что потеряла эту опору, и сейчас, к сожалению, понимала значение «на-

всегда». Самого главного человека в её жизни больше нет в живых. Врачи сказали, что сердце. Вспоминая, каким крепким был отец, как следил за питанием, придерживался активного образа жизни, в это сложно было поверить. Но причин сомневаться в результате экспертизы не было.

Она помнила тот страшный день – 1 марта. Когда природа готовится к новому яркому витку, воздух наполнен особой свежестью, когда ждёшь солнца и счастья, позвонила младшая сестра Ева. Сквозь слёзы Надя разобрала эти три страшных слова:

– Папа... Он – всё...

Снова хотелось плакать, как в тот день, когда разум отказывался мириться, осознавать, что произошло что-то непонравимое: *«Папа... Он – всё...»*.

Слёзы поступили к горлу, но тут Надя почувствовала, как что-то меняется. Её куда-то волокли, ухватившись за щиколотки. Наверное, черти в преисподней, не иначе. Надя попыталась обратиться во вслух, чтобы понять, что происходит. Однако голова сильно болела и готова разломиться как орех. Словно со дна моря она услышала женский голос:

– Тяжёлая, зараза.

И снова провалилась в своё забытие, в своё прошлое, когда отец ещё мог быть рядом.

Глава 3. Лида

После смерти жены Генрих воспитывал дочь, как когда-то его отец, стараясь мотивировать на достижение результатов («*учись соответствовать отцу и деду*»). Но видел, что Надя пошла в мать. Девчонка с удовольствием плескалась с посудой на кухне, помогала стряпать пироги, наряжала своих кукол, читала книги. В перспективе стала бы копией покойной супруги: хозяйственной, степенной и скучной.

Отец попытался зайти с другой стороны, создать изюминку в ней. Попросил придумать такое занятие, которое выделяло бы её среди других, заставило обращать на себя внимание. На раздумья дал неделю. Надеялся, что Надя созреет до желания стать великой спортсменкой, писательницей, художницей или музыкантом (то, что науки вряд ли светили, — он давно понял, если только появится огромное желание).

Дочь же решила вязать крючком и делать «самые узористые узоры в мире».

Сказать, что он был разочарован, — ничего не сказать.

Генрих не понимал причину. То ли дело в генетике, где нет стопроцентной гарантии, какой набор унаследует ребёнок. То ли в воспитании мамы и окружении бабушки, которая была такой же, как умершая жена.

Но беда её приходит одна. Мать была настолько потрясе-

на гибелью невестки, что это послужило катализатором для начала психических проблем. У матери появились повалы в памяти. Она могла забыть закрыть дверь, выключить плиту или утюг. После ужина накрывать снова на стол, как в первый раз.

Дальше – хуже. Мать перестала признавать сына, даже как-то втихоря в милицию позвонила сообщить о постороннем дома с непонятными намерениями. Либо несколько раз за час удивлялась, что сын приехал навестить мать, да к ней на кухню не зашёл поздороваться.

Надюшке тоже доставалось. Бабушка путала «хорошую девочку» с соседским ребёнком и всё норовила отправить её домой с приветом родителям. Или начинала ругать сына, что он столько лет скрывал от неё наличие дочери, и в очередной раз знакомилась с ней: «Как тебя зовут, красавица?».

Когда появились провалы в отношении отца, с прогрессирующим Альцгеймером её определили в специальный стационар. Там она провела свой последний год в жизни.

Отец замкнулся, спасаясь работой, пока она ещё была. Сын старался оградить себя от этого. Мать успел навестить пару раз и то, потому что так положено. Каждый раз возвращался подавленный. С отцом общение свёл к минимуму, так как оно невольно напоминало о состоянии матери. Даже странно: когда-то он мечтал о внимании к себе, а сейчас вздрагивал от каждого звонка по телефону, опасаясь,

что предстоит говорить с *ним*.

Но он не звонил, чувствуя барьер со стороны сына и возводя ещё один – со своей стороны. Последующие встречи были испытанием для обоих.

Генрих нанял домработницу и няню в одном лице. Зоя Фёдоровна исправно выполняла свои обязанности, однако в какой-то момент молодой отец остро осознал, что семье нужна женщина, полноценный член семьи. Тогда он встретил Лиду – огненно-рыжую, кудрявую, солнечную.

Он познакомился с ней на одной из конференций в Москве года три назад. Та тоже была приезжей и не знала, как распорядиться свободным временем. Они славно провели вечер. Он не говорил, что женат, она не задавала вопросов. Любила страстно, как в последний раз. На утро только вздохнула: жаль, что пора расставаться. Своего телефона с адресом не стала оставлять: зачем? И вот – они снова встретились.

Лида приехала в чужой город, для неё это был второй шанс – на счастье, на любовь, на саму жизнь.

Судьба оказалась неблагосклонной к этой рыжеволосой красотке. Она чуть не вышла замуж. Благо, что вовремя одумалась: жених оказался страшно ревнивым. Когда кольца и платье уже были куплены, с машиной и столовой была договорённость, поколотил её, увидев, как та хохочет с незнакомым ему парнем. Незнакомцем оказался бывший однокласс-

ник, отчего ревность только усилилась. Значит, они давно знают друг друга, конфетно-цветочный период можно сократить и сразу перейти к постели!

Кандидат в законные мужья и до этого болезненно реагировал на мужиков в радиусе километра от своей избранницы, что подружки завистливо отмечали: надо же, как сильно любит. Но в этот раз дошло до кулаков. Было обидно и больно. И следы после такого порыва чувств никакая пудра не могла скрыть. Соседи всё узнали, пошли разговоры, Лиде хотелось сгореть со стыда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.